

ОЛЬГА БЕРГ

Метаморфозы

Ольга Берг
Метаморфозы

«Издательские решения»

Берг О.

Метаморфозы / О. Берг — «Издательские решения»,

Моя жизнь, это вереница снов. Я путешествовала по своим прошлым воплощениям, но так и не смогла остаться ни в одном из них. Поэтому моя жизнь это — пустота.

Метаморфозы

Ольга Берг

© Ольга Берг, 2015

© Полина Мартини, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Муха билась об стекло в слепой горячке, надеясь проскочить на свободу. Меня терзала та же горячка, хотя мысленно я собиралась в монастырь. Фрейд, удерживаемый пальцами, мешал сложиться зыбкому мостику между окончательным «нет» и вратами Божьей обители. Он качнулся и пухло стукнулся об пол. Мост не стал плотным, муха заснула в липких тенетах и воцарилась оглушающая тишина. Тогда я перестала слышать удары своего сердца, я ощутила бездну, внешний мир растворился, и это было хорошо. Через какое то время непроницаемый туман развеялся и передо мной простерся кусок другой жизни, мянущий самоцветами фейерверков и звоном веселых голосов. Золотые кареты подкатывали к великолепному шато, а выхолненные лошади сверкали драгоценной упряжью. Народ, разодетый в шелка и перья спешил на праздник, искушенные, еще не пресытившиеся; жадное предвкушение в лицах, немного торопливые жесты; жеманные дамы с глазами акул, напудренные кавалеры, влюбленные друг в друга. Все можно, все нужно, все разрешено и любое ваше желание будет удовлетворено немедленно. Блестательная Антуанетта правит балом, правит голодной Францией, играет с судьбой. Потом закружилось все в быстром танце, сюжеты мелькавшие с бешеной скоростью вызывали тошноту и, спотыкаясь о томик Фрейда я рванула к унитазу, забрызганная своим на этот раз кровавым и нелепым прошлым. Схватившись за шею я закрыла глаза. Все прекратилось, ее казнили— меня казнили, какая разница. Все жизни вповалку! Ужасно и такой холод в сердце после каждой казни, а их было пять, нет девять или больше, кажется семь раз застреливали и трижды рубили голову. Фу, какая мерзость! Предстать перед Петром с башкой в руках!

Я ощутила себя стоя на коленях, прилипнув щекой к холодной крышке унитаза. Так, до тошноты бывало редко, чаще просмотр оказывался долгим погружением и затягивался на несколько дней, а то и недель. Хорошо, если я находилась одна и далеко от дома, чтобы никто не отвлекал и никакие дела и просьбы не выбивали меня из приятного провисания в какой — нибудь из точек истории. Это состояние было наверное сродни наркотическому опьянению, только вместо того чтобы глотать и колоть всякую дрянь я просто могла уйти. Но чаще все получалось само собой, сознание просто затягивало в одну из жизней и я не сопротивлялась этой спонтанной силе, а откуда то из под бессознательного появлялась лукавая радость, что мне так везет. Как хитро я отделяюсь от своих проблем, от всего, что давит, от ненужных раздражителей, которые разными голосами принимались жужжать с момента пробуждения и до самого сна, и от этих голосов возникает столько бессмысленной суеты, столько ненужных движений и нелепых мыслей, что голова начинает пухнуть от злости и усталости, которую приносит эта злость. Злость опустошала душу, забирала из тела силы и измученная я валилась на свой диван, чтобы заснуть или забыться новой или уже просмотренной историей.

— В твоей душе нет мира, ты никого не любишь, — сказал мне однажды солидный батюшка с солидным крестом. Он тоже был зол и я видела это в его глазах, он злился от бессилия, что не может оказать мне надлежащую помощь о которой просила моя верующая бабушка. Он что— то говорил мне, а я рассматривала его великолепный крест и прибрасывала в уме его примерную стоимость. И мне в этот момент было весело! По настоящему весело от своей кощунственной мысли и от того как она вплеталась в эту ситуацию. Не то, что б я не верила в Бога, даже очень верила и может быть даже больше чем он, просто в его словах было слишком

много медовой фальши. Но он не ясновидец, я любила и наверное слишком сильно, но страх мешал мне проявлять свою любовь, страх того, что меня отвергнут снова. Потом я шла домой по осенним улицам, но мысли уже покрывались черным цветом, и я знала, что дальше он зальет все сердце, затопит душу и снова начнется боль, которую всколыхнут воспоминания. Я уходила в Perfekt от неврозов, от ненависти к себе и своему телу, от неразделенной любви, от проблем больших и ежедневных, которые находились всегда. Но в глубине души сидел некто маленький, сильный и жестокий и тихим голосом говорил отвратительно правдивые вещи, всякий раз ввергавшие в депрессию еще более черную, чем обычно, а иной раз давал очень конкретные и простые ответы, на вопросы, которые мешали заснуть долгое время. Это от него я узнала истинную причину моих частых путешествий по прошлым жизням. «Ты слабое и никчемное существо, – говорил он. – И вокруг тебя холодная пустота и любишь ты пустоту, которая ничего не может дать кроме вечной мерзлоты, и сердце твое напитавшись эрзацем любви сворачивается и исходит желчью как и всякое живое существо, проглотившее едкую отраву, обернутую в симпатичный фантик. И сделать ты ничего не можешь, потому что нет сил, потому что их никто не дал, так кат еще во чреве тебе желали смерти. Как ты можешь переживать счастье при таком раскладе?» Он был тысячу раз прав, но как мучительно иногда слушать правду неподготовленным ушам...

Я затаивала дыханье, я вслушивалась в сдвоенные удары своего сердца до тех пор, пока они не тонули в тишине, которая подступала постепенно отовсюду, пока не начиналось действие, просмотр. А со временем я научилась соединять два процесса, занимаясь какой — нибудь ежедневной работой можно было находиться на пороге между тем и этим миром, как в грезах наяву, но контролировать ситуацию мне удавалось до определенного момента. Десять лет я морочила голову своим близким, которые с некоторым подозрением глядели на мой часто затуманенный взор и меланхоличные движения. Десять лет я упивалась своим притворством, ведь мне так легко удалось обмануть свои неудачи, депрессии, неудовлетворенность собственной жизнью, это все просто перестало быть проблемой потому что за гранью времени был другой мир и он был доступен мне. Больше не нужно было искать ответ на извечный вопрос «Кто я», он отпал сам собой вместе с мучительной надобностью делать выбор каждый раз когда дело касалось собственных желаний и возможностей, которые часто не совпадали. Больше не нужно было испытывать щемящую боль от неразделенных чувств, от бессильной и глупой надежды на «все будет хорошо». Там было хорошо, без чувств, без мыслей, без депрессивной агонии, просто наблюдать за теми жизнями, с несокрушимой волей и святым эгоизмом, который давал возможность делать то, чего требовала своенравная душа. Даже казни не внушали отвращения и страха, так как являлись достойным завершением полной драматизма истории, и привносили некую пафосную изюминку в мое то совсем не святое бытие. И они были так красочны, эти жизни, так блистательно совершенны, словно гениальные пьесы Творца, от рождения до смерти наполненные великим смыслом. Так бы и длилось мое счастье, но судьба готовила мне другую готовила мне ловушку. Однажды я прокололась, я просто забыла свое имя, запуталась в профессиях, родственниках и эпохах и стала для всех просто сумасшедшей. Это и послужило толчком к выходу в реальный мир.

Действительность оказалась сильнее попытки убежать от нее и меня просто выпнули из снов. Вокруг все было до боли знакомым и другим, слегка подернутое туманом, сквозь который проступали контуры мертвых предметов, заношенных эмоций и искаженных непониманием лиц. Мир с напуганными родными, растерянными друзьями, мир, полный тревоги и жалкой возни был далек от моего сказочного забвения. И я широко раскрыв глаза наблюдала эту судорожную кутерьму вокруг, искривленные маски, ломанные жесты, сопровождающиеся театральными выкриками и понимала, что все это обращено ко мне, что эти маски и фигуры говорят со мной, а в голосах их слышатся угрозы и нервный смех. Я попала опять все в ту же

реальность из которой нет выхода и никогда не было. Круг замкнулся, мне пригрозили психиатром и я сдалась.

Мне было 26 и я оказалась в том же месте, с теми же роящимися в отчаянной лихорадке мыслями, но с кучей воспоминаний, которые не давали покоя. Ностальгия по прошлым жизням была мучительней рядовых депрессий. Там была истинная жизнь, яркая, полная, настоящая, пахнувшая свободой и кровью, а тут лишь растерянность и тяжесть взглядов, которые бросали зеркала. Все сначала, но уже больнее. Холодные сосульки на замерзшее лицо. Ватные руки, оцепеневшее тело и противный гул в голове. Я понимала, что в прошлое нет возврата, а эту жизнь нужно было как – то жить, продолжать эти банальные поиски своего пути. И я не знала, что мне делать. Дома я как никогда ощутила тяжесть тишины, одиночество проявлялось как пустота самой пустоты, в которой пребывала моя душа десять лет назад умершая для всего мира. Сейчас мне стало жаль своей жизни, она оказалась заполненной миражами, которые исчезли как мыльные пузыри, стоило мне только выйти в действительность. Я не хотела оставаться здесь, а бежать было некуда. Я сидела на диване и не чувствовала своего будущего, оно словно сжалось в точку, готовую взорваться в любой момент, чтобы склеиться уже в другом месте, в ином воплощении, недоступном моему восприятию, а может быть не склеиться никогда. Я заплакала.

В слезах таились сумерки дня, который кончился быстро. Я бродила по ночным улицам ненавистного мне города, а за мной тянулась моя жалкая тень. Не было слышно шагов в гулкой пустоте каменных тротуаров, а желтый свет фонарей отсвечивал тоской. Я вышла на городскую площадь, где застывшим цветком возвышался сломанный фонтан. Он давно высох и дно его устилала разбитые бутылки. Я села на бордюр, вперив взгляд в носки своих ботинок. Может я снюсь самой себе и все, что окружает меня, является частью игр моего или чьего – то еще бессознательного? Слой облачков, покрывший небо не давал пробиться ни одной звезде, только ночь, тишина и бродяжий свет фонарей – вот она картина моего мира, холодного и пустого, едва освещенного искусственным светом. Когда я подняла глаза, то даже не испугалась увидев черного человека. Он казался чернильной тенью, которая выделялась на фоне ночи, но глаза его удивительно блестели и в руке он держал белую лилию.

– Я нашел вас, – спокойно и уверенно сказал он. – Пойдемте.

Он протянул мне цветок.

Мы молча петляли по безумно длинной ночи пока не пришли к его дому. Среди черных, геометрически правильных форм зданий, слившихся в один монолит, маячил ярко – желтый квадратик окна его квартиры. Мы зашли в подъезд и поднялись на первый этаж. На зеленой двери, которую открывал черный человек красовался череп с костями и предупреждением «не влезай, убьет». Затем мы молча вступили в длинный коридор, стены которого были зловеще бордовые и из него хотелось быстрее проскочить туда, где горел свет. Черный человек снял длинное пальто и провел меня в комнату, залитую мягким светом желтой лампы. Здесь было необычайно уютно и странно, потому что комната была маленькой и квадратной с безумно высокими стенами чем напомнила мне часовню. Я села на краешек кожаного кресла, и почувствовала неловкость от ощущения, что предметы рассматривают меня. «Впишусь ли я в эту обстановку?» – мелькнула странная мысль. Казалось, тут все было живым, воздух вибрировал, кресла и маленький дубовый столик насторожились, толстый ковер ежился и щетинился под ногами, продолговатый ящик часов вообще презрительно шипел на меня своими стрелками, и презрение его было более чем обосновано. Один шоколадного цвета диван излучал добродушное спокойствие и был не против моего присутствия. Вошел черный незнакомец с двумя дымящимися кружками, комната постепенно наполнил кофейный аромат.

– Пересядь на диван, – сказал он, поставил кружки на столик и плюхнулся в кресло напротив.

– Меня зовут Сэм, – представился мавр.

Он снял черный пиджак и оказался в белой рубашке и галстук, но несмотря на его деловой костюм он не походил на человека который работает клерком или ведет свой бизнес. Он не походил на человека вообще. В его лице было что – то неуловимое, отрешенность первожденного смешивалась с вполне земными бесенятами, которые таились в глубине его блестящих глаз. К тому же в его глазах не было видно зрачков и этим они смахивали на две бездонные воронки.

Я представилась, мы продолжали молча прихлебывать из своих кружек. Кофе разливалось по телу приятным теплом и мне показалось, будто я отрезвела.

– У тебя здесь все в коричневых тонах, – глядя в кружку сказала я.

– Гармонирует с моим цветом кожи, – усмехнулся Сэм.

Опять повисла пауза.

– Когда тебе было интересно в последний раз? – в тишине его вопрос прозвучал неожиданно.

Я замялась и не смогла вспомнить какое – нибудь событие, которое бы по – настоящему меня затронуло. Он ждал ответа.

– Я не помню, – равнодушно ответила я и закрыла глаза, убаюканная чудесным напитком.

Сквозь ресницы я видела, что Сэм удивленно смотрит мне в лицо, будто ждет продолжения. Потом веки предательски сомкнулись, я тяжело вздохнула и поерзала, приятно проваливаясь в мягкий диван.

– Моя жизнь, это вереница снов. Я путешествовала по своим прошлым воплощениям, но так и не смогла остаться ни в одном из них. Поэтому моя жизнь это – пустота.

Я едва ворочала языком и мелькнула мысль, что мавр что – то подсыпал мне в кофе, потому что зверски хотелось спать, на веках повисли пудовые гири, а голова застыла в невесомости, безвольно откинувшись на мягкую спинку дивана.

– Но разве так было всегда, с самого твоего рождения? – его голос прозвучал у самого лица и эхом пронесся сквозь барабанные перепонки.

– Нет, – мне удалось произнести это с невероятным трудом.

Уже сквозь пелену сна было слышно, как Сэм громко приказывает мне не спать.

– Если уснешь, тебя затащит и я не смогу вытащить тебя оттуда! – крикнул он.

Мне было тогда все равно куда меня затащит, мне было до одури хорошо наблюдать изнутри себя, как сначала исчезают мысли и поровозиком дружно отъезжают чувства. Такому процессу божественного упокоение, позавидовали бы самые мертвые мертвецы! Это было сродни смерти Новалиса, только под аромат свежесваренного кофе. Божественная эфтаназия! Внезапно в эту гармонию смерти вмешался едкий запах мускуса. Я резко пришла в себя и закашлялась до слез. Сэм еще раз поднес мне к лицу белую лилию и я окончательно пробудилась. Горло перехватывало, и подняв слезящиеся глаза к потолку я поперхнулась еще раз увидев его пугающую черноту.

– Не смотри вверх! – скомандовал Сэм. – Там пустота, она притянет подобное.

Судорожно глотая, я выдавила, что не хочу быть пустотой.

– Но ты сама сказала это, – спокойно возразил Сэм.

– Я почувствовала, что моя жизнь пуста, – сказала я и ощутила странную вибрацию в теле.

– Почему? – спросил он.

– Потому что я проспала десять лет и больше не хочу жить во снах.

– Тогда чего же ты хочешь? – оживился Сэм.

– Я хочу жить свою жизнь!

– И ты знаешь точно как ты хочешь ее жить? – спросил он.

– Я не знаю кто я.

– Если не можешь уразуметь – почувствуй. Спроси свое сердце, что подскажет оно?

– Оно молчит.

– Неправда, – мягко сказал Сэм. – Просто ты боишься чего – то и боишься сильно.

Сэм после некоторых раздумий сказал, что нужен Вагнер, ибо он есть Тот Кто Находит и он без труда может найти ответ на мучивший меня вопрос, потому что он видит суть каждого существа на земле.

– Кто такой Вагнер? – спросила я.

– Он велик и ужасен, – ответил Сэм с лукавой улыбкой. – Однажды он помог мне найти мое желание и определить мою суть. Это очень важно, найти свое истинное желание, потому что оно определяет тебя; пожелав, ты сможешь ответить на вопрос «кто я?».

– Где же мне найти Вагнера? – в сердце всколыхнулась слабая надежда.

– Он должен прийти позже, – ответил мавр.

С минуту мы смотрели друг на друга и вдруг лицо его просияло.

– Тебе интересно! – воскликнул он, слегка хлопнув в ладоши.

Мне стало даже немного легче от его такой по – детски искренней радости.

– А как ты встретился с Вагнером? – спросила я и почему то широко улыбнулась.

– Он сам нашел меня, – ответил Сэм. – Мне было 18 лет, и в характере моем преобладали две черты: ревность и обжорство. Я был толстым ревнивым Сэмом! – рассмеялся он. – От меня сбежала девушка, и я был так зол на нее, что решил догнать и прикончить ее, и осуществил бы наверное свою затею, если б не лошадь, на которой я гнался за беглянкой. Делая прыжок через ручей, она запнулась, а я на полном скаку вылетел из седла. Помню, когда очнулся, то с ужасом понял, что не ощущаю свои ноги. Как потом сказал доктор, я здорово повредил позвоночник и вся нижняя часть тела умерла для меня. После этого я превратился в настоящее чудовище! Проклиная весь мир и всех женщин, я тиранил близких, бессильно рыдал и грыз подушки, пока однажды во время очередного приступа ярости не перерезал себе вены. Чем бы ты думала? Тонкой цепочкой на которой висел амулет с портретом той самой девицы. Я лежал весь в крови, предметы расплывались и было очень холодно. Я закрыл глаза, а когда открыл то увидел Вагнера. Он стоял у окна моей спальни, тыкал в меня пальцем и его просто перегибало от смеха. Он хохотал как сумасшедший, моя ярость утихла и мне стало жаль себя. Потом он каждый день приходил и разговаривал со мной. Он говорил со мной восемь лет и прошло еще столько же, пока я не определил свое истинное желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.